

В наше время международные научные связи осуществляются гораздо легче, чем сто лет тому назад, когда Геймбах опубликовал свое издание, и по этому также их необходимо настоятельно добиваться. Возражения Зейдля³¹, что при существующем состоянии традиций «в ученом сообществе расхождения во мнениях никогда бы не прекратились и поэтому издание, вероятно, никогда не было бы завершено» (1), я не считаю основательными, так как именно научная дискуссия, обмен мнениями и делают работу плодотворной. Такое международное издание, вероятно, затянулось бы несколько дольше, но результаты при этом были бы значительно более успешными.

Пока же мы должны удовлетвориться тем, что удалось выполнение частичной задачи и что создана ценная основа для дальнейших исследований, которая поможет подготовить совершенное издание *Василик*³².

Г. Кэпштейн

Перевод с немецкого Р. А. Ивянской

С. ЛИШЕВ. ЗА СТОКОВОТО ПРОИЗВОДСТВО ВЪВ ФЕОДАЛНА БЪЛГАРИЯ

София, 1957, 158 стр.

Исследование С. Лишева о товарном производстве в средневековой Болгарии закончено им в 1956 г.¹ и выпущено в свет в 1957 г. издательством Болгарской Академии наук.

Изучение процесса возникновения и развития товарного производства имеет первостепенное значение при исследовании законов движения феодальной общественно-экономической формации. Именно товарное производство исподволь разлагало основы феодализма и, хотя и относительно медленными темпами, создавало предпосылки для возникновения зародышей нового, более прогрессивного общественно-экономического строя. Между тем, до недавнего времени исследователи, занимавшиеся изучением болгарского средневековья, не уделяли проблеме развития товарного производства в феодальной Болгарии всего того внимания, которого она заслуживает. Правда, как отмечает автор рецензируемой книги, некоторые болгарские историки (Иван Сакизов, Юрдан Юрданов, Петр Мутафчиев и др.) собрали значительный материал по истории внутренней и, главным образом, внешней торговли в средневековой Болгарии, не утративший своего значения и до настоящего времени. Но состояние торговли рассматривалось этими историками обычно вне непосредственной связи с развитием производительных сил и социально-классовых отношений в тот или иной период.

Немного еще сделано в этой области и современными болгарскими историками. В сущности к интересующей нас сейчас проблеме специально относятся только две статьи: Ивана Дуйчева² о развитии денежного обра-

und J. Juncker. Handschriftliche Überlieferung und Edition der Basiliken. «Forschungen und Fortschritte», Bd. 4, 1928, S. 243: «Критическое издание *Василик* на базе всех имеющихся рукописных материалов, которое отвечало бы современным научным требованиям, может быть осуществлено объединенным коллективом, работающим по единому плану под руководством крупной Академии наук».

³¹ A. Seidl, in: BZ, Bd. 47, 1954, p. 175.

³² Следующие томы, вышедшие в последние годы, не рассматриваются в рецензии: Basilicorum libri LX. Series A, v. II: Textus librorum IX—XVI. Ediderunt H. J. Scheltema et N. van der Wal; Series B, v. III: Scholia in libr. XV—XX. Ed. H. J. Scheltema et D. Holwerda. Groningen, 1956, 1957.

¹ ИП, год. XIII, 1957, кн. 2, стр. 113.

² И. Дуйчев. Към вопроса за появата на парите в нашето народно стопанство. «Известия на Института за българска история», 1951, кн. 3—4.

ния в средневековой Болгарии и Стефана Цонева, сделавшего попытку обобщить материалы, собранные историками, касавшимися развития товарного производства в феодальной Болгарии³.

Недостаточное внимание, уделявшееся изучению развития товарного производства в средневековой Болгарии, сказалось и в появившихся в последние годы обобщающих трудах по истории Болгарии, хотя и написанных на основе марксистско-ленинского метода исторического исследования. Так, в «Истории Болгарии», выпущенной в свет в 1954 г. Институтом истории Болгарской Академии наук, авторы третьего раздела этого коллективного труда, носящего название «Болгария в период развитого феодализма (X—XIV вв.)», ограничились небольшими экскурсами, посвященными внутренней и внешней торговле Болгарии в тот период⁴. В этих экскурсах не только не поставлена проблема развития товарного производства, но читатель не найдет в них даже и самого этого термина. То же следует сказать и об «Истории Болгарии», выпущенной в свет в том же году Институтом славяноведения Академии наук СССР. Здесь в разделе «Города Болгарии в XIII—XIV вв.»⁵ также нет постановки проблемы о развитии товарного производства в феодальной Болгарии и приводятся лишь сведения о развитии внутренней и внешней торговли Болгарии в этот период, причем внутренней торговле посвящен лишь один небольшой абзац, в котором авторы ограничиваются утверждением о том, что «болгарские средневековые города одновременно были и торговыми центрами»⁶.

В свете всего сказанного становится совершенно бесспорным, что работа С. Лишева, являющаяся первым опытом монографического исследования проблемы развития товарного производства в феодальной Болгарии, не может не привлечь внимания всех интересующихся средневековой историей юго-востока Европы.

По мнению автора, развитие товарного производства в феодальной Болгарии получило свой специфический облик под влиянием четырех основных факторов: 1) античного наследия в болгарских землях; 2) хозяйственной политики господствующего феодального класса и его отношения к местному производству; 3) близкого соседства с большими и сильно развитыми центрами производства и торговли Византии; 4) длительного византийского господства, оказавшего сильное влияние на развитие болгарской экономики в XI—XII столетиях. Поэтому, исследуя возникновение товарного производства, автор начинает свою работу с анализа характера болгарской экономики в эпоху раннего феодализма, посвящая этому первую главу рецензируемой книги (стр. 9—48). Эта глава начинается характеристикой античного наследия в материальной культуре славян в VI—VII вв. (стр. 9—20). При рассмотрении этих вопросов С. Лишев опирается на свидетельства историков и хронистов VI—VII вв., использует весь доступный ему археологический материал и монографические исследования ученых, в том числе и советских, занимавшихся изучением общественно-экономического строя славян в этом периоде, а также данные «Земледельческого закона»⁷.

³ С. Цонев. Стоковото производство във феодална България. ИП, год. X, 1954, кн. 5.

⁴ История на България, т. I, гл. VI, стр. 191—193.

⁵ История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 128—134.

⁶ Там же, стр. 129.

⁷ Следует отметить, что автор, используя характеристику «Земледельческого закона» как исторического памятника, данную в изданном в 1951 г. Институтом Истории АН СССР «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии», обошел вниманием специальные труды советской исследовательницы Е. Э. Липшиц, посвященные «Земледельческому закону», хотя они и значатся в помещенном в конце книги

На основе всех этих материалов автор убедительно опровергает созданную некоторыми буржуазными историками легенду о том, что славяне, переселяясь на Балканский полуостров, будто бы несли с собою лишь «массовое уничтожение» старой культуры и населения (стр. 14). Собранный в работе материал, в частности археологический, неопровержимо свидетельствует о том, что славяне, смешиваясь с фрако-иллирийским населением, успешно усваивали элементы местной материальной культуры, производства и городской жизни. Это, по справедливому утверждению Лишева, оказалось возможным только благодаря тому, что славяне при заселении Балканского полуострова сами находились на высокой ступени общественно-экономического развития и вполне были подготовлены к восприятию и развитию сохранившегося в болгарских землях античного наследия в области материальной культуры. Автор иллюстрирует это рядом примеров. Он останавливается, в частности, на производстве предметов вооружения древних славян, их земледельческих орудий, а также и многих других предметов домашнего обихода. Вместе с тем Лишев подчеркивает (стр. 20), что влияние Византии в развитии ремесленного производства славян было действительно значительным. Заканчивая параграф, автор приходит к выводу, что в этом периоде общественное разделение труда не могло еще достигнуть высокой степени, вследствие чего в это время еще не могло возникнуть товарное производство в собственном смысле этого слова, хотя уже имел место обмен излишками производившихся ремесленных продуктов, носивший на этом этапе еще случайный характер (стр. 20).

В следующем параграфе первой главы Лишев рассматривает состояние общественного разделения труда и положение непосредственных производителей в Болгарии в VIII—X вв. (стр. 21—36). Этот период характеризуется тем, что ремесло все больше отделяется от сельского хозяйства. Свидетельства об этом встречаются во многих памятниках агиографической литературы, в «Шестодневе» Иоанна Экзарха, в «Законе судном людем» и других исторических источниках. Как и в предшествующем разделе, работа Лишева выгодно отличается тем, что в ней широко использован обширный археологический материал, добытый исследованиями болгарских и советских археологов, а также и такие сравнительно редко используемые материалы, как анонимная венгерская хроника⁸.

В этом периоде общественно-экономический строй болгарских городов характеризуется их аграрным характером. Однако, как подчеркивает Лишев, это явление нельзя рассматривать как следствие славянского заселения Балканского полуострова (стр. 23). Интересным и новым является утверждение автора, что барщинные повинности несло не только сельское, но и городское население.

Вторая глава посвящена появлению товарного производства в эпоху византийского владычества (стр. 49—80). Автор подчеркивает, что в период византийского господства завершается закрепощение болгарского крестьянства. Используя показания источников, в том числе и данные обширной агиографической и апокрифической литературы, Лишев показывает, насколько во время византийского ига усилилась феодальная эксплуатация крестьянства, какие злоупотребления практиковали чинов-

Лишева списке литературы, носящем, очевидно, рекомендательный характер. Вместе с тем вызывает удивление и тот факт, что автор использует «Земледельческий закон» не по оригиналу, воспроизведенному в критическом издании, например, в публикации Эшбернаера (*Νόμος γεωργικός*, ed. W. Ashburner. JHS, v. 30, 1910; v. 32, 1912), а по работе А. С. Павлова, изданной в 1885 г. и, естественно, сильно устаревшей.

⁸ *Ανωνυμι Βελαιε regis notarii De gestis Hungarorum liber*, ed. St. Endlicher. «*Rerum Hungaricarum Monumenta Arpadiana*». Leipzig, 1931.

ники византийского фиска. Все эти данные вполне соответствуют яркой картине положения болгарского крестьянства под властью Византии, нарисованной Феофилактом Охридским. Справедлив и вывод автора о том, что в сложившихся условиях тяжелого феодального гнета развитие земледелия и скотоводства в болгарских землях было сильно ограничено (стр. 55). Нельзя не присоединиться также и к критике Лишевым авторов (С. Георгиева, Ив. Сакызова и др.), которые, исходя из рассказов западных хронистов об источниках продовольственного снабжения крестоносных ополчений, приходили к выводу об якобы имевшихся у болгарских крестьян больших излишках всяких продуктов, будто бы сбывавшихся ими на рынках и покупавшихся крестоносцами. Тем более неожиданным и не подкрепленным показаниями источников представляется вывод автора, будто несмотря на усугубление феодальной эксплуатации в период византийского ига, непосредственный производитель был «вынужден усилить товарный элемент в своем личном трудовом хозяйстве» (стр. 60). Несомненно, рост товарного производства и товарных излишков следует искать не в хозяйствах трудового крестьянства, а в феодальных имениях, которые уже в XI—XII вв. осуществляли крупные торговые связи со складывавшимся городским рынком (стр. 64—72) и с Византией (стр. 72—80).

Третья глава рецензируемой работы С. Лишева (стр. 81—133) носит название «Характер торговых отношений и товарного производства при полном расцвете болгарского феодализма (XIII—XV вв.)», а ее первый раздел посвящен характеристике феодального поместья как господствующей производственной единицы в болгарской экономике и, в частности, в торговле XIII—XIV вв. (стр. 80—112). Автор подвергает справедливой критике глубоко ошибочные высказывания буржуазных историков, особенно Ив. Сакызова, о том, будто проникновение итальянских торговых республик на Балканский полуостров в XIII—XIV вв. способствовало хозяйственному возрождению Болгарии и даже превращению ее в самостоятельный фактор средиземноморской торговли⁹. Нельзя сомневаться, что Болгария и Византия испытали на себе в XIII—XIV вв. тяжелые последствия проникновения итальянских торговых республик на Балканский полуостров, явившегося одной из основных причин переживавшегося в XIII—XIV вв. этими странами упадка. В этих условиях, правильно отмечает Лишев, не мелкие хозяйства крестьян и ремесленников могли быть главными поставщиками товарной продукции в феодальной Болгарии; эту роль могло играть только крупное феодальное имение. Собранные автором материалы действительно показывают, что под контролем крупных феодальных землевладельцев находились рынки и ярмарки не только в сельских местностях, но и в городах. К сожалению, обобщая эти материалы, С. Лишев высказывает иногда недостаточно обоснованные утверждения. Так, например, ни на чем не основано утверждение, будто рынки в болгарских городах были «разделены на торжища с магазинами», являвшимися собственностью отдельных феодалов, где зависимые люди продавали продукты их имений (стр. 94).

Несколько неожиданной и недостаточно убедительной представляется нам и попытка автора привлечь для подкрепления своего правильного вывода о полном господстве феодалов в болгарских городах данные о классовой борьбе во Фракии и Македонии в XIV в., особенно о восстании зилотов (1342—1349). В частности, никак нельзя согласиться с утверждением автора, будто во время восстания зилотов «во многих городах Фракии и

⁹ Ив. Сакъзов. Българската търговия през XII—XIV вв. «Списание на икономическото дружество», кн. 1—2. София, 1922, стр. 3.

Македонии (курсив наш. — Б. Г.) власть перешла в руки ремесленно-торговых слоев» (стр. 90). Этому противоречит прежде всего тот факт, что хотя восстанием были охвачены, помимо главного центра — Фессалоники, многие районы и города — Гераклея, Потидея, Ферры и другие¹⁰, однако к власти демократическая организация зилотов пришла лишь в Фессалонике (и именно эта изолированность центра восстания явилась одной из основных причин его поражения). Во-вторых, нельзя говорить и о том, что движущими силами восстания были торговые слои. Тем более ошибочным является утверждение, будто в антифеодальном восстании зилотов принимали участие имущие верхи Фессалоники и даже будто бы примкнувшие к движению мелкие феодалы¹¹. Ясные, не дающие повода для сомнений, сообщения Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина, совпадающие со свидетельствами других источников, позволяют сделать вывод, что движущими силами восстания были беднейшие слои города и деревни. Это, по выражению всех источников, была «борьба беднейших против богатых», что ясно даже из рассказов византийских историков, враждебно относившихся к зилотам. Это признавали даже буржуазные историки. Например, Шарль Диль писал о восстании зилотов как о «борьбе классов, богатых против бедных, аристократов против плебеев...»¹², а первый историк, упомянувший восстание зилотов в своем многотомном труде по истории Византии, — Лебо, подчеркивал, что ряды партии зилотов пополняли представители «низших классов» населения¹³. Аристократ Лебо, у которого восстание зилотов вызывало мрачные для него аналогии с днями красного террора во Франции, с опасными для господствующего класса санкюлотами, называл зилотов «сбродом сумасшедших, навербованным из всех бандитов, находившихся на территории Византии».

Во втором параграфе третьей главы автор излагает свои соображения о положении непосредственных производителей в городе и селе в XIII—XIV вв. и об их участии в товарном производстве (стр. 112—128). На основе анализа ряда источников, в том числе и нумизматического материала, Лишев демонстрирует развитие в XIII—XIV вв. экономических отношений между городом и деревней, причем, по его мнению, денежные богатства сосредоточивались главным образом в руках феодальной аристократии, от которой зависели как крестьянство, так и плебейские массы городов. Автор приводит примеры устройства отдельными феодалами больших ярмарок, на которых встречались не только болгарские, но и иноземные купцы. Так, например, монастырь св. Георгия ежегодно устраивал ярмарку, в которой принимали участие купцы из Италии, Дубровника и Византии.

Очень интересны приводимые Лишевым сведения о том, что в болгарских городах проживало значительное количество зависимых от феодалов ремесленников, продукцию которых их владельцы сбывали на рынках.

Чрезвычайно важные сведения извлекает Лишев из интересного источника, позволяющего характеризовать развитие товарно-денежных отношений в болгарском крупном феодальном поместье. Речь идет об архиве кассира графа Амедея VI, относящегося ко времени похода на

¹⁰ Б. Т. Горьянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349). «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», III, 1946.

¹¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 189—191.

¹² Ch. Diehl. Byzantium: Greatness and Decline, transl. from French by N. Walford. With introduction and bibliography by P. Charanis. New Brunswick—New Jersey, 1957, p. 20.

¹³ Le Beau. Histoire du Bas Empire, t. XXV, 1. Paris, 1803, p. 102, § 31.

¹⁴ Издан Ф. Боллати (F. Bollati. Illustrazioni della spedizione in Oriente di Amedeo VI. Torino, 1900).

Болгарию в 1364 г.¹⁴ Из имеющихся здесь сведений видно, что рыцари савойского графа Амедея VI реквизируют у болгарских феодалов не только значительные запасы зерновых продуктов, но и большие денежные суммы. Так, когда Амедей VI наложил на граждан Месемврии контрибуцию, он собрал громадные денежные суммы среди проживавших в городе феодалов-аристократов. Например, некий кастрофилак Калоян сдал в подьячке контрибуции (*taillia*) одну тысячу двести золотых иперпиров (стр. 117).

Как и в предшествующих главах, автор и здесь в ряде случаев использует данные последних археологических экспедиций для характеристики состояния производительных сил в болгарском ремесленном производстве XIII—XIV вв.

Особо следует отметить сделанное автором рецензируемой книги наблюдение, что в XIII и XIV вв. к движению богомилов примыкали уже не только крестьянские массы, как это было в предшествующие века, но и ремесленники. «Массовое распространение богомильства в городах в XIV в. было совсем новым явлением, — пишет Лишев, — ибо раньше богомилы, как известно, вербовали своих сторонников, главным образом, из крестьянской среды» (стр. 125). В этой связи, автор дает интересную картину классового расслоения среди ремесленников, а также стремится показать, как это расслоение отражалось в общественно-политической идеологии различных групп болгарских ремесленников.

Небольшой последний раздел рецензируемой книги посвящен проникновению чужеземных товаров в феодальную Болгарию XIII—XIV вв. Автор убедительно показывает, что темп его, несмотря на несомненное развитие в это время производительных сил в Болгарии, был крайне замедленным, вследствие чего возростающие потребности болгарских феодалов в изделиях ремесленного производства удовлетворялись по преимуществу за счет иноземного производства, в основном — итальянского. Значительные размеры внешней торговли между болгарскими феодалами и чужеземными купцами, как показывает работа Лишева, не вызывали, однако, глубокого проникновения товарно-денежных отношений в хозяйство феодального поместья средневековой Болгарии, продолжавшее носить натуральный характер даже накануне турецкого завоевания.

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, мы можем констатировать, что работа С. Лишева, несмотря на отдельные отмеченные нами недостатки, содержит ряд новых, свежих мыслей и ценных наблюдений, толкающих исследователей на дальнейшее изучение условий, в которых протекало развитие феодальной общественно-экономической формации в средневековой Болгарии.

Б. Т. Горянов

**P. LEMERLE. L'EMIRAT D'AYDIN. BYZANCE ET L'OCCIDENT.
RECHERCHES SUR «LA GESTE D'UMUR PACHA»**

Bibliothèque byzantine. Paris, 1957, 276 p.

Изучение восточных источников становится все более и более необходимым для того, чтобы разъяснить ряд проблем, относящихся к истории Византии и всего юго-востока Европы. Поэтому опубликование части произведения Энвери «*Düstürnâme*» на одном из новых языков можно только приветствовать.